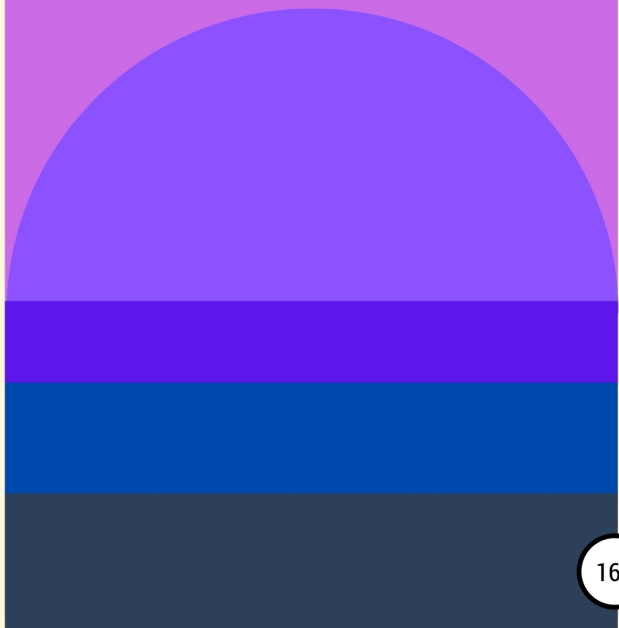

НОЧНОЙ ВОЗДУХ

ВИШНЯКОВ М.Е.

16+

Максим Евгеньевич Вишняков

Ночной воздух

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837954

SelfPub; 2020

Аннотация

"Информация о моей смерти несколько преувеличена".
Что такое смерть? А жизнь? Что является продуктом этой самой жизни? Александр Сергеевич Пушкин вдруг стал проводником юноши Германа в мир чего-то другого, недоступного большинству, но дело совсем не в этом. Главная проблема в том, как вернуться к большинству после чего-то сказочного, недоступного никому кроме тебя? Как принять правила их игры, в то время как твоя собственная намного занимательнее? Впрочем, не воспринимайте всё это всерьёз. На самом деле под обложкой обычная сказка о мальчике, который просто хотел... Да ничего, собственно, он такого и не хотел, оно всё само.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Поэт.	12
Глава 2. Гражданин.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пролог

*Люби! Целуй её, не упускай мгновенье
Пока ты жизни лепесток, вгрызайся в них,
Вот в этих вот плетевых упоенья!
Пока в подвалы жизни не проник...*

Китов Д.Б.

Удивительные строки. Не столько по своему содержанию или звучанию, сколько по своему местонахождению. Эта строфа, не могу назвать это полноценным стихотворением, была написана на форзаце томика «Гамлета» Шекспира – согласитесь, немного нетипичное место для стихов какого-то загадочного Китова.

А, да. Меня зовут Герман, приятно познакомиться. Я – автор этой книги и по совместительству её главный герой, вот так-то. История, которую я расскажу действительно имела место быть, по крайней мере я так считаю. Но болтать будем по ходу пьесы, пока сюжет.

Помимо непонятных философских записок у меня имелись и более важные дела, например, наконец разобрать семейную библиотеку. Мой отец решил, что жить в большом доме в Подмоскovie – не для него. Казалось бы, пусть съезжает, но он почему-то также решил, что мы с мамой подоб-

но жёнам декабристов должны последовать за ним. Нет в нём внутреннего аристократа, у которого обязательно должно быть если не собственное поместье, то хотя бы просторный двухэтажный дом с библиотекой. Откровенно говоря, мне не особенно хотелось переезжать куда-то, всё же в этом доме прошла вся моя сознательная жизнь. Как это обычно бывает, любовь к родному дому проснулась уже после не терпящей отказа вежливой просьбы собирать свои вещички в чемоданчик. До этого я был просто без ума от Москвы. Волшебный город, в нём так изысканно сплелись многовековая история и современные здания, даже вечные вывески “McDonald’s” не слишком раздражают, а это дорогого стоит. Москва была для меня мечтой, которая, по мнению моего отца, должна была неизбежно осуществиться, после моего поступления на юридический факультет какого-нибудь столичного ВУЗа. Я, конечно, имел об этом несколько иные представления, но кто меня спрашивал?

Как вы понимаете, мой отче – юрист. И дед. Да, кстати, мама тоже. У меня реально не было выбора, вот совсем. Что же до меня, я очень слабо представлял тогда, чем хочу заниматься, но знал одно – хочу создавать. Желание делать что-то, чего раньше не было переполняло. Лучше всего у меня, конечно, получалось создавать проблемы себе и окружающим, просто замечательно получалось, и, казалось бы, с таким талантом в юристах мне и место, но я хотел для себя чего-то иного. Я пытался объяснить это родителям, они по-

нимающе кивали, а потом спрашивали, в каком ВУЗе юрфак престижнее, в общем, нам было трудно найти общий язык. Тогда я уже знал, что непременно поступлю, потому что ЕГЭ я сдал неплохо, так что положение моё виделось мне в те дни довольно неприятным. Ах да, те – это июль 2019 года. Вдруг кому-то важно, я имею в виду.

Собственно, по этой причине я и разбирал эту грешную библиотеку уже неделю – меня хлебом не корми, дай отвлечься на что-то, никак не связанное с сутью дела. Ну хоть о себе рассказал немного. Тем временем коробки постепенно заполнялись, уж не знаю, как. Вот «Отверженные» и «Война и мир», и тут вместе, а рядом почему-то Макс Фрай, глупости какие-то, но не мне было решать тогда, в каком порядке они лягут в коробке, ведь, пока моё тело сосредоточенно переносило книги, почему-то по одной, мои мысли были где-то далеко.

Вы знали, что нецензурная брань может временно повысить болевой порог человека? А значит ли это, что если вследствие научения в раннем детстве повесить на слово какое-то ярлык «нецензурное», то у нас будет стоп-слово от жизни? Было бы неплохо. Например, слово «арбидол». Да, где-то в этом районе тогда мой разум и находился.

Хотелось прогуляться. Во-первых, потому что странные темы для размышлений постепенно заканчивались, во-вторых, было бы неплохо ещё раз посмотреть на места, которые вскоре будут мной покинуты.

Летом воздух совершенно особый, он как вино: от него тянет на глупости. В этом смысле я находился в условиях ограниченной среды, так как, когда вокруг одни частные дома, очень тяжело сделать какую-то глупость, разве что чей-то «Майбах» поцарапать. Но одна призрачная возможность всё же была. Если пройти минут 20 от посёлка вдоль дороги, можно заметить, как от неё куда-то в лес уходит грунтовка, которой, по ней видно, давно никто не пользовался. Что там находится я, конечно, знаю, знал и тогда – большая старинная усадьба. Отец рассказывал, что в начале 2000-х её пытались отреставрировать, хотели сделать то ли музей, то ли ещё что-то, но в какой-то момент все работы свернули. Очень удивительно в нашей стране, не правда ли? Потом были разговоры о том, чтобы просто снести её, но как-то не срослось и с этим. Мальчишками мы лазили в этот дом, ничего особенного там не было, но свои «исследования» мы проводили исключительно в светлое время суток – ночью боялись. Теперь же смеркалось, прогулка через лес по полупустой дороге с последующим исследованием старого, ветхого, возможно, аварийного здания показалась мне отличной идеей, в этом и правда есть что-то романтическое, пока напротив тебя вдруг не останавливается чёрный тонированный джип и далее по списку. Но в тот раз, как обычно, почему-то обошлось без насильников, маньяков, бандитов и прочих героев фильмов канала «НТВ». «The Weekend» в наушниках и просто прекрасная по-летнему тёплая погода в тот вечер сдела-

ли меня самым счастливым человеком на свете.

Вот нужный поворот, хорошо, что летом я не ношу белых кроссовок, думаю, будь я в таких, я бы отменил мою прогулку, а тогда, чего доброго, и книги не было бы! Что ни говори, просёлочные дороги – не самое подходящее место для чистюль вроде меня. Не знаю уж, как такое можно почувствовать, но мне почему-то было совершенно ясно, что здесь давно никто не ходил. По пыли на лопухах что ли? Всё же я не Шерлок в интерпретации ВВС, моё зрение вполне заурядное. Но что-то такое было, хоть воздух и свеж, чувствовался застой, даже какой-то откат времени назад, ещё немного, и деревья перестанут расти и начнут уменьшаться до размеров ростков, из которых они когда-то выросли. Такое ощущение было вполне приятным, что неожиданно, было чувство уютного одиночества, такого, которое обычно выбираешь сам. Через 15 минут я увидел усадьбу.

Не знаю, большая она или маленькая, я так себе эксперт по усадьбам. Мне даже сложно однозначно ответить, красивая ли она. Она была притягательной, вот и всё. Это как с девушками, бывает, такая обычная, в толпе такую заметить нелегко, но, когда она смотрит на тебя, всё вокруг испаряется, весь фокус на ней. А если она ещё и заговорит – это всё, несите... да, пожалуй, уже ничего не несите, внутри всё переворачивается, мир больше не имеет значения, все танцуют. Но я отвлекся. Усадьба. Надо было писать о девушках, вышло бы, право, лучше, ну да успеется ещё. Как вы уже по-

няли, по внешнему виду здания ждать от меня информации бесполезно. Зато о своих переживаниях я с удовольствием расскажу, до сих пор очень хорошо помню. Иногда бывает, что здание настолько пропитано историей, что, кажется, все произошедшие события повесили тебе на спину при входе, как будто это ты ответственен за каждый государственный переворот, произошедший в городе, или за каждого убитого в этих стенах чиновника. Так вот тут такого нет. Конечно, это не свежесть Москва-сити, но возраст здания не давит, хотя и забыть о себе не даёт, как будто говорит: «Ты, конечно, парень хороший, но это здание появилось здесь, когда даже твоего деда в планах не было, и оно будет стоять дальше, возможно, о тебе уже все забудут, а оно только запылится немного сильнее». Странная привычка разговаривать с возрастом, надо обсудить её с моим воображаемым психотерапевтом.

В общем местечко интересное. Дверь оказалась не заперта, так что я без каких-либо препятствий попал в просторный холл, дворцекого почему-то в наличии также не было. Непорядок. Направо и налево уходили загнутые лестницы, ведущие на второй этаж, на первом же этаже из холла был только один проход, надо полагать, в гостиную. Она не особенно меня заинтересовала. Осматривать было нечего, всё более-менее ценное, что можно было унести, унесли. Пустые шкафы, сколько бы лет им ни было, как-то не приковывают к себе внимание, так что я пошёл на второй этаж, выбрав ле-

вую лестницу. И что же я там нашёл? Правильно! Библиотеку! Боже, они меня преследовали, не иначе. К моему удивлению, там я увидел не только книжные шкафы, но и книжные полки. Ладно, я имел в виду книги, причём их было довольно много, как для заброшенного дома. Какие-то из них были разбросаны по полу, какие-то остались на своих местах, видимо, в своё время их унесли столько, сколько смогли взять да на этом и успокоились. Ну и хорошо, мне больше достанется!

С самого детства я очень любил книги, любил не только читать их, но и собирать. Мне было приятно смотреть на книжную полку и думать о том, что я всё это прочитал, а потом это будет читать кто-то другой, близкий мне человек, а после прочтения обязательно положит книгу на место, чтобы потом её прочёл кто-то другой, и так по кругу, пока мне не надоест. Кажется, с самого детства я хотел быть библиотекарем, вот так вот. Хоть у моей семьи и имелась довольно обширная библиотека, всем книгам там было не больше тридцати лет, что всё-таки не возраст, а собирать только новые книги – занятие не такое уж и романтическое, так что в этом смысле в моей душе зияла средних размеров дырка.

Но здесь я нашёл более «опытных» подопечных, просто-таки ждущих, когда какой-нибудь молодой человек утащит их в своё логово. Да, я опять начинаю с книг соскакивать на девушек, кажется. Простите. Тут были вездесущие Пушкин и Маяковский, нашлось место Лермонтову, отку-

да-то взялись Пастернак, Борхес, Леонов, Андреев и Булгаков, я заметил Набокова. Здесь были и неизвестные авторы, и знакомые с детства. Рай был прямо передо мной, прямо у моих ног, но вдруг кто-то громко кашлянул за моей спиной.

– Кхм, уважаемый, ногу с книжечки будьте добры убрать. – проскрежетало что-то за спиной.

Глава 1. Поэт.

– Так, Александр Сергеевич, можете подробно всё объяснить? Я всё ещё не очень-то понимаю, что происходит.

– Да, молодой человек, конечно, могу. Серёжа тебя очень напугал, как я погляжу. Ещё бы, ты наступил на собрание его сочинений, никто такому не обрадуется, правда? Но, думаю, тебя намного больше интересует, почему ты вообще увидел нас, – я слушал его не перебивая, – на этот вопрос я готов дать тебе ответ. Дело в том, что я действительно Александр Сергеевич Пушкин, в какой-то мере. Не зомби, конечно, но вопрос моего бытия вполне философский, как и бытия Любого, кого ты мог встретить в этом доме. Да, нас здесь много, не только я и Есенин. Так вот, меня нельзя назвать в точности тем человеком, которым я был во времена своей жизни, я даже не дух, я – продукт ноосферы в чистом виде. Видишь ли, за свою жизнь я успел порядочно «наследить», а потомки, как знамя, подхватили всё это. Я теперь даже аэропорт! Да, я знаю, что такое аэропорт, скоро всё поймёшь. Мной был оставлен слишком сильный след в человеческой культуре, в человеческих умах, всё это не может просто так пропасть, как будто ничего не было. Когда информации, мыслей обо мне стало слишком много, этому потоку энергии нужно было куда-то деться. И вот он я, – мой собеседник отвесил мне поклон, не совсем было понятно, шутит он или

нет, но реагировать мне не пришлось, потому что он сразу же продолжил. – Оказалось, что места с сильным историческим фоном способны фокусировать информацию, как лупа солнечный свет, поэтому здесь я могу становиться более-менее осмысленным. Но помимо «лупы» мне и моим «сожителям» нужно что-то, на что можно опереться в своём телесном образе, то есть я не могу материализоваться из ничего. В итоге оказалось, что человеческий мозг, в смысле нормального живого человека, отлично подходит для этого. Но не любой. Например, если какой-нибудь строитель Ахмед, гипотетический, конечно, наступил бы на томик Толстого, Лев Николаевич не смог бы ему ничего на это сказать, так как опора могла бы быть недостаточной, да и мужчина скорее всего слишком мало знал бы о писателе, не факт, что хоть что-то знал бы, – поэт заговорщически подмигнул мне. – Некоторые люди просто чувствовали «что-то странное», кто-то видел бесформенные силуэты, списывал всё на игру света или на усталость. Не до конца понятно, что именно обуславливает, способность конкретного человека увидеть кого-то из нас, но дано это далеко не всем. Я бы знал об этом больше, если бы имел возможность поговорить с теми, кто не смог меня спроецировать, но, как ты сам понимаешь, в этом случае одно противоречит друг другу. Коллегиально мы разработали теорию, что отбор происходит по наличию какого-то творческого ростка в человеке, я так это называю. Ты же занимаешься чем-то таким, да?

– Ну... У меня скорее творческие потуги. Я немного пишу стихи. И на гитаре ещё чуть-чуть играю. Не могу сказать, что у меня очень хорошо получается, но я так нахожу выход. Думаю, вы понимаете.

– Да уж, вполне понимаю. Творчество – это не то, чем восхищаются люди, что они видят, это образ мышления, способ восприятия действительности. И иногда от этого становится всем весело, – философски заметил поэт

– Послушайте, а, наверное, не очень удобно так зависеть от людей?

– Ну, как сказать, без живого человека мы не имеем смысла. Друг с другом мы давно наговорились, некоторые ещё при жизни, так что всё выглядит даже более-менее логично. Хотя, сказать, что это очень уж комфортно нельзя, ведь мы фактически проходим через 2 линзы: мнение общества, то есть информация ноосферы, и личные знания человека, через которого мы приобретаем физическое воплощение, это очень сильно искажает нашу личность. Поэтому перед тобой я скорее такой, каким меня хотят видеть твои современники и ты лично, и имею со своим прототипом не так уж и много общего. Собственно, поэтому я знаю, что в мою честь хотят назвать аэропорт, да и вообще имею некоторое представление о жизни, протекающей спустя двести лет после моей собственной смерти. А с помощью своих произведений я сохранил часть себя настоящего и целостность в принципе. Они, например, позволяют мне иметь целостную память, во вся-

ком случае, я так предполагаю. Вот так вот. По кирпичику из каждого дома мира строится Вавилон.

– Наверное... Но почему Есенин был со мной так груб, если он – просто проекция, тем более моя личная? А вы, напротив, вежливы и снисходительны.

– О, это хороший вопрос. Видишь ли, моему наследию уже около 200 лет, Серёжа же умер меньше века назад, да ещё и при весьма странных обстоятельствах. О моей фигуре уже давно всё известно, меня идеализировали, я такой себе голубь мира от поэзии, а о нём до сих пор спорят, поэтому он не очень-то стабилен. В этом доме в разное время появлялись разные проекции, как ты это называешь, и не все из них были вполне приличными. Это зависит и от времени жизни и смерти, и от противоречивости персоны. Возможно, также присутствует связь между навыками медиума и степенью стабильности проекции, кто знает? Однажды чьё-то сознание выцепило Сталина. Господи, это было даже в чём-то весело. Он рассказывал анекдоты, а потом приказывал Ване Грозному расстрелять себя за это. Это к нам студент истфака зашёл, причём явно нетрезвый.

– Но почему же об этом всё никто не знает? Конечно, рассказавшему такое никто не поверит, но хотя бы какие-то кусочки информации должны были просочиться...

– Герман, я хоть и выгляжу, как Пушкин, я – просто проекция. Да, разобравшаяся в своей природе, обладающая памятью, но проекция. Если честно, я как-то не думал об этом.

Кстати, думать я могу, как ни странно. Вообще-то, никто не возвращался к нам второй раз, так что, возможно, люди об этом забывают. Или им самим кажется, что это всё бред. Да и почему не было никакой информации? А эти ваши призраки? Что это по-твоему? Ты же не думаешь, что это место одно такое? Вполне возможно, иногда просто не хватает силы места, чтобы чётко сформулировать «правила игры», поэтому вместо полноценной проекции появляется какая-то слабо осмысленная материя, а дальше ты знаешь.

– Рэн-ТВ на вас нет, Александр Сергеевич! – я просто не знал, как мне на всё это реагировать, оставалось только смеяться.

Кстати, кому интересно, вне зависимости от того, как вы себе это представляли в голове, мы с Александром Сергеевичем всё это время прогуливались по территории усадьбы. Странно, но солнце до сих пор не зашло, хотя, по моим ощущениям, с момента моей встречи с Есениным прошло уже не меньше часа, а я пришёл в усадьбу перед самым закатом. Возможно, и время в этом месте текло немного медленнее. Я тут подумал, вот вы же прекрасно знаете, как выглядит Пушкин, да? Кроме того, что волосы у него были не чёрные, как на всем известном портрете Кипренского, а светлые, об этом в своих стихотворениях писали как сам Пушкин, так и Есенин. Небольшой ликбез вам. Да и Кстати, а что насчёт меня, что насчёт вашего Германа? Вы же меня уже как-то себе представили, да? Ну и бог с ним. Только скажу, что глаза

у меня зелёные, а волосы чёрные, остальное неважно. Спасибо за внимание. Такая вот минутка экспозиции.

– А почему я встретил только вас и Сергея Александровича?

– Кого? А, Серёжу. Господи, я как-то не задумывался, что он может быть Сергеем Александровичем. Ну... Знаешь, как любят говорить в книгах по психологии?

– Конечно, знаю, вы же берёте эту информацию из моей головы! «Этот вопрос ещё до конца не изучен». А ещё мне нравится, когда после двух страниц рассуждений о, например, мозге, добавляют: «Во всяком случае, у мышей так».

– Да, именно! А ты начинаешь понимать, что происходит. Только не увлекайся, а то станет неинтересно. Это вообще много с чем работает. Ну так вот, я правда не очень хорошо представляю, каким образом подбираются проекции для конкретного человека, но предполагаю, что этим можно как-то управлять. Знаешь, как пульт от телевизора? Ну да, конечно, знаешь. Думаю, ты со временем разберёшься.

Вдруг у меня закружилась голова, я осел на траву. Грубо говоря, странно, что это случилось только сейчас, потому что я разговаривал с легендарной личностью, которую уже с лишком 200 лет все считали умершей, по закону жанра мне полагалось грохнуть в обморок уже довольно-таки давно. Всё у меня не как у людей. Как мне объяснили, дело было не в моей исключительной заторможенности, хотя я и правда как-то не сообразил испугаться, проблема была в том, что

проецирование целого Пушкина – занятие непростое, особенно в первый раз. Вот если бы ещё только правую половину или только ноги... Короче говоря, моё видение пропало, что меня несколько обескуражило. В смысле, блин, исчез? Гнев и удивление смешались в доме Облонских, причём в достаточно страной пропорции. Только сейчас появились сомнения в реальности происходящего. Хотя, почему до этого я был так уверен, что всё это действительно происходит, раз такое дело? В любом случае, это было достаточно обидно, я никогда не считал себя сверхинтересным собеседником, но со мной обычно хотя бы прощались, мало кому хочется быть оскорблённым собственными глюками, знаете ли. Тем более я не был особенно популярным среди сверстников, так что вариант с каким-нибудь психическим заболеванием на почве одиночества не исключался.

В итоге, совершенно растерянный, я побрёл домой. Когда эмоции немного схлынули, я почувствовал сонливость, тело стало каким-то неприлично тяжёлым. Не очень помню, как я стал спать, но моё следующее утро началось не в 9-10 утра, как это бывало обычно, а ближе к полудню.

Я никогда не испытывал похмелья, но представлял себе его именно так. Всё в тумане. Зубная щётка. Кофе. Какая-то книга. Кофе. Уснул. Ну хотя бы без гипса и вот этого всего. Уже вечер. Хорошо, что родители весь тот день провели в новой квартире, была возможность сделать вид, что я самоотверженно и безостановочно разбирал библиотеку, делал

всё возможное, но книги просто-таки сыпались из рук, и не выходило совершенно ничего, несмотря на моё невероятное усердие. Не могу сказать, что в итоге мне сильно поверили, но попытку родители оценили. Впрочем, тогда всё это было не важно. Я опять пошёл в Усадьбу, мне нужно было многое прояснить для самого себя. И да, после событий прошлого вечера из обычной усадьбы она превратилась в Усадьбу, далее она будет именоваться именно так, привыкайте.

Всю дорогу я думал. Надо признать довольно неординарное для меня состояние, но тогда сама ситуация располагала. Вопрос был только один, присущий, собственно, всем подросткам: было или не было? В данном контексте он приобретал несколько другой смысл, но всё же. Ладно, прошёл ворота, захожу в дом – никого. С точки зрения стороннего наблюдателя ничего удивительного, но я надеялся, что различные известные поэты с порога бросятся мне на шею. В связи с тем, что этого не случилось, не совсем было понятно, что вообще следовало теперь делать. Делал ли я что-то особенное в прошлый раз? А если делал, то что? «Кажется, если я и волшебник, то явно практик, а не теоретик», – подумалось мне. Поднялся в библиотеку, осмотрелся...

– Герман, встань с книги, пожалуйста. Серёжа, хоть и проекция, морду набить действительно может. Да и вообще, это тебе не волшебная педалька, которой можно вызвать всяких потешных мужчин на свой вкус.

– Александр Сергеевич, где вы?

– Боюсь, я не могу появиться перед тобой. Ты пока слишком слаб, поэтому я не имею возможности стать чем-то физическим. Голос в твоей голове тебя устроит?

– Если честно, то нет. Я пришёл сюда удостовериться, что всё произошедшее вчера реально, – к тому моменту я не был окончательно уверен, чего хочу больше: чтобы мои ведения были чем-то реальным или чтобы всё оказалось сном, игрой воображения или ещё Бог знает чем. – Вам не кажется, что голоса в голове для доказательства реальности происходящего несколько недостаточно?

– Чем богаты, друг мой. Единственное, что я могу устроить, – чтобы в твоей голове звучал не один голос, а два. Да и вообще, что за обывательское деление на «реальное» и «воображаемое»? Ты производишь несколько иное впечатление. Раз на то пошло, всё в одинаковой степени проекция нашего мозга. Я проекция. Всё, что ты видишь, – тоже. По сути это лишь интерпретация сигналов, поступающих мозгу от глаз, что с того? Ты же не ставишь под сомнение реальность этой усадьбы или собственного тела. А следовало бы. А твои чувства. Это вообще что такое? Какое реальное основание имеет под собой слово «друг»? Но, тем не менее, кто-то для нас «друг», а кто-то – нет. Согласись, многие наши ощущения очень слабо привязаны к реальности, но ты же не сомневался в существовании любви, правда?

– Александр Сергеевич, а к вам давно никто не заходил, да?

– Да, поболтать жуть хочется, – голос поэта звучал немного смущённо.

– Ладно, это мы успеем ещё. Я, кажется, начинаю понимать, о чём вы говорили. Голова кружится, всё такое. Но у меня есть один вопрос. Что мне сделать, чтобы в следующий раз вы появились без осквернения памятников литературы?

– Не знаю, Герман. Наверное, надо просто захотеть. Или наоборот расслабиться, и оно само как-нибудь. Когда тебе приносят письмо, ты нечасто задумываешься, как его доставили, тебя интересует содержание и твой будущий ответ. Только, действительно, обойдись, пожалуйста, без прогулок по книгам.

Как говорится, вжух, и всё пропало. Я понял, что опять один. На душе стало как-то легко и спокойно – если я и сумасшедший, то с ума я сошёл довольно удачно. Но вместе с тем мне было как-то одиноко и неудобно. Вообще-то, считается, что голоса в голове не должны вызывать у человека каких-то приятных мыслей и чувств, так что в этом смысле всё нормально. Хочется сказать, что мало кто ведёт безмолвный диалог с Пушкиным, но, кажется, что в любой психиатрической клинике хотя бы парочка таких ценителей поэзии найдётся. Тем не менее я до сих пор полностью уверен, что мой Александр Сергеевич более чем настоящий, хотя я не очень опытен в анализе поэтов на подлинность.

Домой я спешил, потому что светская беседа с российским литературным светилом 19 века вряд ли могла бы слу-

жить оправданием для моих родителей, если бы я не успел что-то сделать с библиотекой. Работа почему-то больше не казалась мне такой муторной, всё происходило как-то само собой. На книги я теперь смотрел несколько иначе, а обращаться с ними стал ещё более аккуратно. Тем более мне не очень хотелось объяснять кому-нибудь, почему какой-нибудь старина Зигмунд разгуливает по дому. Вообще говоря, хоть я прекрасно понимал, что проекции появляются не столько по моему желанию и благодаря мне в принципе, сколько вследствие специфики места, я начал понемногу мечтать о том, чтобы создавать собственные проекции, где бы я ни захотел и когда бы я ни захотел.

Но это всё мечты, мысли. Конечно, по словам моего нового знакомого, они не являются чем-то незначительным, только они, мне казалось, мало что могли сделать. Но такие раздумья неплохо отвлекали: я трудился в библиотеке не меньше пяти часов подряд, как вдруг понял, что последняя книга была упакована. Не лучшая новость, если разобраться, каждая новая коробка приближала переезд, каждая пустая комната зажигала в голове множество фонариков воспоминаний, очень разных, но теперь одинаково дорогих. Прошлый дом. Прошлая квартира. Очень странные словосочетания. С одной стороны, это похоже на «бывшая девушка», но суть совершенно другая. Когда проходишь под окнами квартиры, в которой жил когда-то, а там, внутри, всё ещё кипит какая-то жизнь, что-то происходит, эти стены всё ещё греют кого-то,

на душе у самого становится теплее. Но я с удовольствием посмотрел бы на человека, который, увидев бывшую возлюбленную с другим, подумал бы: «Ах, как хорошо!» Если вы таких знаете, не врите, пожалуйста. Но ощущение пройденного этапа одно и то же: такое странное, оно сначала ледяной рукой держит тебя за горло, но тепло твоего тела постепенно согревает её, рука перестаёт быть синей и грубой, хватка ослабевает, тогда ты думаешь, что сейчас рука пропадёт, но, увы, этого не случится никогда. Просто она перестанет душить, начнёт гладить твою шею, трепать волосы, иногда щекотать тебя, но в какой-то момент она непременно заденет тебя своими длинными ногтями, оставив царапину. Не специально, конечно, но кровь пойти может.

Следующие пару недель прошли довольно спокойно. Я и дальше помогал родителям с переездом, как будто у меня был выбор, всё свободное время я посвящал Усадьбе. Родители подумали, что я влюбился, что ж, почему бы и нет? В действительности же я вёл интеллектуальные и не очень беседы с различными почтенными покойниками. Я постепенно разбирался со своими возможностями, научился проецировать людей по своему выбору, иногда даже нескольких за раз. Порой и разговаривать не приходилось, одного наблюдения вполне хватало, чтобы назвать день удавшимся. Конечно, в силу моих весьма скудных представлений о некоторых предметных областях многие мои проекции получались пря-

мо-таки дефективными, например, попытка позвать Менделеева закончилась полным провалом, а Гоголь был подозрительно похож на Сашу Петрова. Мой мозг вообще многие пробелы в знаниях заполнял очень специфически, в основном Петровым или Козловским. Думаю, к ним в какой-то момент должен был присоединиться Нагиев, но всё никак роли подходящей не подворачивалось. Моим проводником в этом мире до сих пор оставался Александр Сергеевич, он объяснил мне, что, проявляя излишнее рвение, я перекрываю информацию извне, вследствие чего проекции опираются в большей степени на мои знания, далеко не всегда достоверные. Он вообще много с чем мне помог в то время, провёл по всем комнатам, рассказал, что в некоторых комнатах «вызвать» кого-то проще. Например, в библиотеке с большей вероятностью появится писатель, а не физик. Всё это немного напоминало компьютерную игру. Когда я подумал об этом, я решил принести моим великим питомцам ноутбук, на который установил несколько игрушек. Результаты оказались довольно предсказуемыми: политикам больше нравились игры про войну, начиная шутерами, заканчивая стратегиями, в основном все лезли в игры, которые как-то касались их специальности при жизни. Не совсем было понятно, что предпочтут писатели, ведь человечество пока не придумало игру, в которой нужно писать книги. Но ответ на мой вопрос оказался довольно простым: писатель – исследователь жизни в первую очередь, им всем понравился Sims.

Хотя, когда Тургенев назвал собаку Муму, я начал поглядывать на всё это с опаской. После выходов Достоевского ноутбук приносить я перестал.

В какой-то момент я пытался записывать за своими собеседниками. Их, кстати, это не особенно смущало. Но почему-то, как только я покидал территорию Усадьбы, все материалы, рукописные или электронные, пропадали, что вводило в меня некоторое замешательство и заставляло задуматься о природе происходивших со мной явлений. Чтобы немного разобраться в этом всём, я стал вести дневник, на основе которого во многом и написана эта книга. Это, конечно, была моя личная идиллия, но продолжаться вечно она не могла.

Глава 2. Гражданин.

Всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Пришло время паковать последний чемодан и уже окончательно переезжать в Москву. Так как друзей у меня особо не было, никаких бурных проводов мне не устроили, оно и к лучшему. А вот перспектива покинуть Усадьбу меня уже не просто печалила, она начала меня немного пугать. Как я смогу без этого всего? Конечно, я мог доехать сюда на электричке, но полтора часа пути в одну сторону – довольно много, каждый день такой вояж совершать весьма трудно. Впрочем, выбора у меня всё равно не было, так что сумочки в зубы и вперёд.

Освоиться на новом месте было нелегко. После частного дома жизнь в квартире кажется какой-то очень тесной и миниатюрной. Зато сколько времени экономишь на передвижениях из точки А в точку Б, с ума сойти можно! Вообще-то мне больше нравился юг Москвы, наверное, именно поэтому квартиру мои родители купили на севере. Ну знаете, просто чтобы никому не было скучно. Кругом старые панельные дома, всё серое и одинаковое, даже линия метро, блин, серая, уму непостижимо! Если бы «50 оттенков» снимали в России, их снимали бы в САО. Как вообще так можно было сделать? Люди очень старались, прямо-таки хотели сделать жизнь в этом месте максимально унылой, другого объяснения у меня

нет.

Но были и плюсы. Рядом с домом я нашёл очень приятный сквер, которой сразу полюбился мне. Не сказать, что это было сильно круче, чем лес, рядом с которым находился наш уютный коттедж, но в моей ситуации выбирать особо не приходилось. Кстати, оказалось, что собрание всей палитры чёрно-белого кино действует на нервы только в светлое время суток, с наступлением темноты же свет фонарей создаёт очень даже уютную атмосферу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.